

УДК 910/4(47)(091)

Россия, Сибирь в известиях японских путешественников, исследователей и дипломатов

С. И. Кузнецов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Като Хирофуми

Университет Хоккайдо, г. Саппоро (Япония)

Аннотация. Рассказывается о некоторых источниках сведений о Сибири и России, которые собирались в Японии в XVIII–XX вв., – от первых рукописей Кодая Дайкокуя и Кацурагава Хосю до дневников и воспоминаний японских военнопленных.

Ключевые слова: Япония, Сибирь, Россия, Кодая Дайкокуя, Кацурагава Хосю, Фукусима Ясумаса, Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), сибирская экспедиция, репрессированные японцы, военнопленные.

Сведения о северном соседе – России появились в Японии сравнительно поздно. Объясняется это как неосвоенностью Сибири и российского Дальнего Востока, отсутствием регулярных контактов между русскими и японцами, так и политикой самоизоляции, проводимой японскими властями с начала XVII в. Безмолвные суровые берега, казалось, несли в себе скрытую угрозу. Когда русские время от времени стали появляться у берегов Хоккайдо, Охара Сакинго в 1797 г. написал текст «Хокути кигэн» (Угроза с Севера). В 1888 г. текст был переиздан как приложение к газете «Токио нитинити симбун» с предисловием Фукути Гэнитиро [16, р. 234].

Отдельные, часто отрывочные сведения о Сибири содержатся в нескольких исторических памятниках Японии XVIII – начала XIX столетий. Значительная часть информации в то время отложилась в японских рукописях, связанных с вернувшимися из России японскими моряками. Наиболее известный из них – капитан Кодая Дайкокуя. Его судно «Синсё-мару» вместе с командой было унесено штормом к берегам России и разбилось о скалы. Первая из рукописей, связанная с Кодая, – «Оросиякоку суймудан» («Рассказы сонных видений о России» или «Сонный бред о России») относится к XVIII в., была приобретена более ста лет назад для Владивостокского восточного института профессором Е. Г. Спальвиным у букиниста в Киото. Ее перевод был сделан В. М. Константиновым в 1959 г. [7]. Вернувшись в Японию с экспедицией А. Лаксмана, капитан Кодая оказался источником

наиболее достоверных на то время сведений о России. Запись показаний Кодаю вел придворный врач, переводчик и писатель Кацурагава Хосю (1751–1809 гг.). Кацурагава фактически стал первым японским собирателем сведений о России и ее обитателях, автором первой японской истории России («Оросияси» – «Записки о России»). Неоценимым источником сведения о России, кроме голландских книг, для него оказались рассказы Кодаю [2].

Из других рукописей, составленных в Японии в конце XVIII – начале XIX в. и содержащих различные сведения о России, Сибири и Дальнем Востоке, следует назвать «Синсё-мару хёминки» («Запись об унесенных морем на корабле Синсё-мару»); «Хёмин гора-но ки» («Прием сёгуном потерпевших кораблекрушение») – в нескольких вариантах; «Оросиякоку хёминки» («Записки об унесенных морем в Россию»); «Хокухэн дзакки» («Разные записи о северных краях»); «Хёрю сики» («Частные записки о потерпевших кораблекрушение»); «Эдзоти сёхоки» («Первоначальные записи о земле Эдзо») и, наконец «Канкай ибун» («Необыкновенные сведения об окружающих морях») – многотомная рукопись, составленная в конце 1805 – начале 1806 г. придворным врачом Оцуки Гэнтаку и Симуре Кокё. Из всех этих рукописей лишь «Канкай ибун» была переведена на русский язык В. Н. Гореглядом и издана в 2009 г. [9]. Ее история отчасти сходна с историей «Хокуса монряку».

Из японских описаний Сибири и русского Дальнего Востока второй половины XIX в. наиболее известны дневники и путевые впечатления дипломата и первого посла в России Эномото Такэаки [36] и подполковника Фукусима Ясумаса. В 1874 г. Эномото Такэаки, получив чин вице-адмирала в Японском императорском флоте, был направлен послом в Санкт-Петербург с заданием подписать русско-японский договор. После четырех лет и двух месяцев пребывания в Петербурге Эномото решил возвращаться домой через Сибирь. Из Петербурга Эномото выехал 26 июля 1878 г. в сопровождении двух японцев. Японский публицист Накамура Синтаро пишет: «В дороге Эномото вел наблюдения за обычаями местного населения, изучал рельеф местности, почвы, интересовался промышленными предприятиями (горнодобывающей промышленностью, добычей золота), дислокацией войск, их моральным состоянием, искусством командиров воинских частей и подразделений» [6, с. 233]. Эти записи вошли в сочинение «Сибирский дневник». Хотя путешествие Эномото было непродолжительным, в октябре 1878 г. он уже прибыл в Японию, его наблюдательность и знание России (Накамура Синтаро называет Эномото «самым образованным японцем того времени») [6, с. 234] позволили ему адекватно показать сибирскую действительность. Правда, «Сибирский дневник» при жизни Эномото не был опубликован, обнаружен он был лишь в 1924 г. В дневнике Эномото приводятся характеристики российских губернаторов и военных чинов, с которыми он встречался во время путешествия. В отдельных местах дневника встречаются заметки о русской интеллигенции.

Майор Фукусима Ясумаса, с 1887 г. служивший в Германии военным атташе, в феврале 1892 г. совершил путешествие из Берлина через Сибирь

во Владивосток. Человек этот, благодаря своей лихости очень популярный в Германии, после этой поездки стал живой легендой в Японии. Журнал «Разведчик» сообщал: «Еще 22 февраля [1892 г.] прибыл из Берлина в Сувалки направляющийся через Сибирь, Маньчжурию, Китай в Японию майор японского генштаба Фукусима. Верхом один без вестового и заводной лошади Фукусима выехал из Берлина 31 января и сделал более 800 верст в 24 дня. В среднем по 36–37 верст в сутки. Он... въехал в Сувалки сопровождаемый командиром и офицерами 6-го лейб-драгунского Павлоградского Его Величества полка, с музыкой встретившими гостя на пути и предложившими ему завтрак и вообще принявшими его с крайним радушием, чисто по русски» [10].

Одинокое путешествие Фукусима Ясумаса через Сибирь верхом на коне было выдающимся спортивным достижением того времени. С другой стороны, его называют и самой длинной разведывательной миссией в истории. Фукусима Ясумаса следовал вдоль строящейся Транссибирской железной дороги. Японцам было известно, что эта железная дорога позволит переместить в течение нескольких дней огромное число русских войск и грузов из европейской части России до тихоокеанского побережья и Японского моря. Японские военные круги видели угрозу в намерении России продолжить до океана железную дорогу и всерьез приступить к эксплуатации богатств Дальнего Востока. Накамура Синтаро предполагает: «Фукусима, видимо, по указанию японского генерального штаба возвращался через Сибирь. Главной целью его поездки мог быть военный шпионаж в России, с которой Япония собиралась начать войну... Свои наблюдения Фукусима записывал в блокнот. В центре его внимания находилась дислокация воинских частей, он изучал местность, нанося ее на карту, уклад жизни населения...» [6, с. 255–256]. Иркутская пресса сообщала: «В субботу 5 декабря (1892 г.) прибыл в Иркутск член японского посольства при берлинском дворе майор Фукушимо, задавшийся планом проехать через старый континент верхом... За Москвой майор купил коня донской породы и доехал на нем в Семипалатинск. Здесь он купил двух лошадей и на них сделал вояж по Монголии на Кобдо, Улясутай и Ургу, оттуда в Кяхту и по купеческому тракту в Иркутск. Майор небольшого роста, носит короткие стриженные волосы; он брюнет с серыми глазами, в которых отражаются ум, энергия и наблюдательность. Широкие плечи, высокая грудь и тонкий стан обличают железное здоровье. Весь путь по Монголии наездник проехал в форменном пальто на вате. Одет он в походную японскую кавалерийскую форму, состоящую из черной венгерки со шнурами. Фукушимо много путешествовал на своем веку по поручению своего правительства. Японский офицер, горячий патриот, он живо интересуется военным делом, своей специальностью и вместе с тем старается знакомиться с другими сторонами жизни стран, по которым путешествует. В воскресенье и во вторник он внимательно осматривал музей ВС Отдела и намеревался ознакомиться с учебными заведениями Иркутска» [1]. Во время своего путешествия Фукусима был произведен в подполковники, а после его окончания награжден орденом Священного сокровища. Во время японо-китайской войны Фукусима Ясумаса служил в штабе пер-

вой японской армии. В 1907 г. ему был пожалован баронский титул. С 1912 по 1914 г. он был генерал-губернатором Квантунской области. В 1914 г. Фукусима Ясумаса был произведён в генералы и переведён в резерв, умер в 1919 г. Фукусима частично описал свое путешествие в книге «Дневник путешествия по Монголии». Полный отчет о его поездке считался наиболее полным и достоверным сводом сведений о России, Сибири и Дальнем Востоке. Первая его публикация датируется 1940 г. [35]. В 1945 г. перед оккупацией Японии он был уничтожен в числе других секретных документов. Позже материалы из этого доклада были изданы Симануки Сигэёси [30]. А в 1992 г. был напечатан литературный пересказ рукописи [29].

Другим японским путешественником, которого по популярности иногда сравнивают с Фукусима, был капитан Гундзи Сигэтада (1860–1924). Морской офицер, он родился в Токио и окончил военно-морскую академию. Выйдя в запас, он организовал националистическое общество «Хокогикай» и отправился исследовать Курильские острова. Гундзи создал колонию на самом северном острове Шумшу, чтобы заняться здесь рыболовством. Позже он принял участие в японо-китайской войне. Во время Русско-японской войны он попал в плен и вернулся в Японию только после окончания войны. Во время Первой мировой войны он выполнял конфиденциальные правительственные задания в Сибири. Из его опубликованных работ известно описание острова Шумшу [19].

В российском обществе начала XX столетия был большой интерес к Японии, после поражения в Русско-японской войне он, видимо, никак не уменьшился. В Петербурге была издана небольшая книжка японского христианского священника Хосино Кота [12]. Год издания не указан, но надо полагать, не позже 1910 г. Возможно, издана она в попытках доискаться до причин поражения в войне, победа в которой, по мнению автора, стала возможной благодаря трезвости и жизнерадостности японцев, а эта жизнерадостность у них от чрезвычайно развитой художественности [12, с. 2]. Веселость и доброту японцев, приписываемые им иностранцами, автор объясняет «чрезвычайным напряжением труда, распределенного, насколько возможно, по вкусам и способностям, и еще тем, что трудящийся стремится совершенствовать свой труд, а не исполняет его механически. Это веселит и дает бодрость духа. Мои соотечественники, возвращавшиеся из России, с содроганием ужаса, рассказывали о подневольной пахарской работе мужика, через силу и кое-как обрабатывающего свою землю, которая не прокармливает его, потому что обрабатывается бессмысленно. И так, из года в год, тянется эта гнетущая, мучительная работа, а человек, занимающийся ею, тупеет, становится недовольным своей жизнью и неспособным развивать дальше свои умственные и душевные способности. Из года в год, из поколения в поколение, та же бестолковая, непроизводительная, вполне безнадежная, тяжелая работа! Вследствие этого, русские не умеют смеяться добродушно; их не влечет к соседу, чтобы, как в Японии, спешить поделиться радостью, при удачном создании чего-нибудь. Если изучение природы и искусства сделало японцев жизнерадостными, общительными, то пол-

ное отсутствие художественности в России сделало народ угрюмым, ищущим забвения в пьянстве и наполняющим досуг сплетнями и драками [12, с. 4]».

В 1898–1903 гг. была построена Южно-Маньчжурская ветвь Китайско-Восточной железной дороги, соединившая Харбин с Чанчунем. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. ее большая часть (участок Порт-Артур – Чанчунь протяженностью 735 км) перешел к Японии. Для ее управления в 1906 г. была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания с управлением в Дайрене и Токио. Японские власти рассматривали ЮМЖД не только как крупный экономический проект, но как важнейший опорный пункт колонизации Маньчжурии. Действительно, в зоне железной дороги находились 105 городов, множество тоннелей, мостов, угольные шахты, предприятия, культурные и образовательные учреждения [17, р. 109–110]. Вместе с тем интересы Японии в регионе, в реализации которых важная роль отводилась ЮМЖД, были значительно шире. Ее внимание привлекали огромные пространства материковой Азии, экспансия которых могла развернуться с маньчжурского плацдарма. Политическая, экономическая и военная экспансия требовала серьезного изучения ее предполагаемого объекта.

Первый президент ЮМЖД Гото Симпэй имел большой опыт колониального управления, который он приобрел на посту главы колониальной администрации Тайваня в 1898–1906 гг. Этот опыт убедил Гото, что колониальная политика должна опираться на серьезные научные исследования в самых разных областях. Он пригласил уважаемого ученого, профессора Окамацу Сантаро, который помогал ему в проведении исследования таможенной и социальной практики на Тайване, возглавить исследовательский отдел ЮМЖД. Гото и Окамацу решили, что отдел сосредоточится на трех главных направлениях: изучении проблем экономики; исследовании местных обычаев и социальной политики; организации работы библиотек. Среди наиболее авторитетных исследователей отдела был русист, будущий директор харбинского музея Мори Микагэ, специалисты по Китаю Мори Сигэру и Номура Киёка. Последний позднее возглавил международный отдел ЮМЖД [14, р. 19].

Начиная с 1907 г. научно-исследовательские организации ЮМЖД вели систематические исследования по трем основным направлениям. К первому из них относятся исследования экономики, общества и культуры тех территорий, которые представляли наибольший интерес для Японии. Второе направление включало исследования в сфере естественных наук и технологии: физики, химии, геологии, сельского хозяйства, ботаники, гигиены, метеорологии и бактериологии. Менеджмент и вопросы статистики в деятельности компании составили третье научное направление.

Особое значение имели исследования первого направления. Они велись на материалах Маньчжурии, Китая, Сибири. Структура научно-исследовательского ведомства ЮМЖД много раз менялась, включала различные отделы, группы и т. д.: например, Центральный экспериментальный институт, Промышленное экспериментально-исследовательское бюро, Бюро

исследования экономики Восточной Азии и т. д. [17, р. 115–116.]. Научная продукция исследовательского ведомства ЮМЖД к 1945 г. насчитывало свыше 6280 монографий, сборников статей, аналитических отчетов, переводов и др. Многие из них имели серийный характер [18]. Среди них немало работ, посвященных российскому Дальнему Востоку и Сибири. Не имея возможности вести полевые исследования на территории Советского Союза, ученые ЮМЖД анализировали всю доступную им советскую литературу. Работы многих советских ученых были переведены на японский язык. Примером может служить книга иркутского историка Ф. А. Кудрявцева «Очерки по истории бурят-монгольского народа от XVII до 60-х гг. XIX в.», опубликованная в 1940 г. в Ленинграде в издательстве Академии наук. В 40-е же годы труд был единственным обобщающим сводом исторических сведений по истории бурят. Не удивительно поэтому, что он сразу же привлек внимание и в Японии. В самой Японии в те годы еще не было серьезных исследований по Бурят-Монголии, да и создание их было затруднено из-за отсутствия источников, невозможности в условиях войны их получения из СССР, недоступности для японских исследователей материалов советских архивов и библиотек. Вряд ли Ф. А. Кудрявцев знал о намерении японских издателей предпринять такое издание, а об авторских правах в то время еще говорить было не принято. Книга была переведена на японский язык и выпущена токийским издательством «Кигэнся» в декабре 1943 г.

В первые годы своего существования отдел научных исследований ЮМЖД в целом выполнял работу по сбору материалов и данных, необходимых для функционирования дороги. Его деятельность активизировалась с началом Первой мировой войны, когда ЮМЖД значительно увеличила активность в сфере транспорта, финансов и промышленности. С 1923 г. экономический рост предприятия побудил исследователей ЮМЖД проводить систематический анализ экономических тенденций. После 1931 г. спрос на сотрудников отдела исследований стал еще больше. С этого времени исследовательский отдел ЮМЖД тесно сотрудничает со штабом Квантунской армии. По инициативе последнего создается специальная Ассоциация экономических исследований, которая занимается сбором информации и разработкой планов экономической эксплуатации Маньчжурии, Внешней Монголии и советского Дальнего Востока [24]. Особое значение в это время приобретает изучение Сибири и Дальнего Востока СССР. В 30-е гг. сотрудники Ассоциации опубликовали 24 тома исследований по экономике, ресурсам, населению этих регионов страны и более 30 томов переводов с русского советских изданий. Издаются даже ежемесячный журнал материалов о Советском Союзе [31] и ежегодник [32].

Во второй половине 30-х гг. ЮМЖД возглавлял известный политик и дипломат Мацуока Ёсукэ. По его инициативе исследовательское ведомство еще более активизировало свою работу. Со второй половины 1939 г. по осень 1942 г. разрабатывалось 287 научных проектов, 514 – в 1940 г. [18, р. 12]. Большинство из них относятся к Маньчжурии, Северному Китаю и Монголии. Однако среди множества публикаций по вопросам экономики,

финансов, статистики, природных ресурсов, естественных наук, управления немало и исследований по истории Сибири и Дальнего Востока [23; 26; 27; 33].

После реставрации Мэйдзи многие молодые японцы отправились учиться в Европу. Некоторые из них направились в Россию, которая, впрочем, давала японцам не так много возможностей и перспектив. Впрочем, Россия привлекала внимание японской интеллигенции своим развитием художественной литературы и общественной мысли. Знакомство с ними было немыслимо без знания русского языка. Еще в середине 70-х гг. XIX в. в Токио был основан Институт иностранных языков, где обучали и русскому языку. Одним из выпускников этого института был Симэй Футабатэй, писатель и переводчик произведений И. С. Тургенева. Другим известным выпускником института стал его ученик Ясуги Садатоси (подробнее см.: [5]). Кроме трудов по русской филологии и одного из наиболее известных русско-японских словарей, перу Ясуги принадлежат путевые заметки, которые стали результатом его продолжительной поездки в Россию в 1919 г. В дневнике он фиксировал все сколько-нибудь значительные события, произошедшие с ним и с группой студентов, которую он возглавлял. Дневник был опубликован в Японии [37]. Стажировка японских студентов в Сибири в это время была сопряжена с немалыми опасностями, поскольку продолжалась Гражданская война и иностранная интервенция, отсутствовали условия для нормальной жизни и передвижения. Поезд, в котором ехали стажеры с профессором, охранялся японскими военными, они же снабжали их продуктами, обеспечивали охрану. К экспедиции были прикреплены два-три офицера в качестве охраны, а заодно и переводчиков. Вероятно, эти обстоятельства говорят о прямой связи экспедиции с военным ведомством Японии.

Революционные события 1917 г. в России, разумеется, привлекли внимание японцев. У кого-то они, вероятно, вызвали восторг, но больше, думается, было опасений, связанных с нестабильностью в соседней стране и возможным ее влиянием на Японию. В 1961 г. под редакцией академика И. Минца вышел историографический сборник об Октябрьской революции, в котором помещена статья известного советского японоведа Б. Г. Сапожникова [11, с. 259–273]. Статья в соответствии с духом того времени следует парадигме: «Октябрьская социалистическая революция оказала серьезное влияние на рост классового самосознания рабочих и крестьян Японии, на формирование марксистского направления в социалистическом движении» [11, с. 259]. Исходя из этого, автор основное внимание сосредоточил на анализе работ так называемых прогрессивных авторов. Прочие же охарактеризованы просто: «После Великой Октябрьской социалистической революции печать Японии сразу же развернула бешеную пропаганду ненависти к пролетарской революции и диктатуре пролетариата» [11, с. 260]. В России в это время находилось довольно много японцев – предпринимателей на Дальнем Востоке, журналистов, дипломатов. В 1917 г. функционировало японское посольство в Петербурге и консульства во Владивостоке (с 1874 г.) и Николаевске (с 1904 г.). Среди японских журналистов, находившихся в России во время революции и Гражданской войны, примечательной личностью был

Отакэ Хирохити (1890–1958 гг.). Будучи корреспондент газеты «Ёмиури» во Владивостоке до 1919 г., он не только был свидетелем многих революционных событий, но оказался увлечен революционными идеями. Позже, в 1923–1925 г., Отакэ работал в агентстве новостей «Тохоцу Син» в Москве. Много лет спустя издал книгу по истории революции в России [8].

Посол Японии в России Утида Косай первый из японских официальных лиц повстречался с главой нового государства В. И. Лениным. Правда, встреча эта была в составе делегации 20 послов других стран и произошла по малоприятному поводу – большевики арестовали румынского посланника графа Диаманди. В истории Новейшего времени произошел неприятный казус, нарушивший незыблемое *status quo* мировой дипломатии, а послы зарубежных стран явились выразить протест. Вернувшись на родину, Утида Косай в интервью корреспонденту «Токио Асахи» рассказал об этой встрече. Спустя 50 лет это интервью пересказал советский журналист В. Я. Цветов. Вряд ли мнение Утида Косай о вожде большевиков было позитивным, и даже в интерпретации В. Цветова (а он, безусловно, пытался найти в этом интервью какие-то положительные черты вождя большевиков, подмеченные японцем) он выглядит совершенно: «Ленин – хладнокровный человек, его высказывания логичны и разумны... Он исключительно горячий пропагандист марксизма и последовательный практик. В его душе долго вынашивалась идея уничтожения имущих классов, национализации банков и промышленности... Что касается возможных в будущем переговоров между Японией и большевиками, то к таким переговорам следует подходить с большой осторожностью, имея в виду не только внешнеполитическое положение Японии, но и положение внутри нашей страны» [13, с. 53–54].

С 1918 по 1922 г. армия японской империи приняла участие в интервенции стран Антанты в Сибири и на Дальнем Востоке. События эти именуются в японской историографии как «Сибэриа сэппэй» («Сибирская экспедиция»), а численность японских войск здесь значительно превосходила контингенты других стран-интервентов. Многие из участников «сибирской экспедиции» написали воспоминания. Среди них мемуары весьма осведомленного правительственного чиновника Такэяма Ясутаро [34], который описывает встречи в Токио с Т. Масариком и А. В. Колчаком. После начала интервенции Такэяма был направлен во Владивосток, где служил в штаб-квартире экспедиционных сил. Интерес представляют воспоминания непосредственного участника событий 1918–1922 гг. Мацуо Кацудзо [25]. События, связанные с «сибирской экспедицией», вряд ли могли быть популярными в Японии. Этим объясняется сравнительно небольшое количество воспоминаний, опубликованных в то время. Несколько небольших дневников участников событий были изданы Охама Тэцуя в 70-е гг. прошлого столетия [22].

После установления в 1925 г. дипломатических отношений между СССР и Японией напряженность в отношениях двух стран несколько снизилась, но это не означало развития взаимного познания и свободного распространения информации о соседней стране. Более того, Советский Союз постепенно становится закрытой страной, власти которой ограничивают кон-

такты своих граждан с иностранцами. Количество японцев, продолжительное время находящихся в СССР, сокращается, иссякает и без того скудный поток информации о жизни его народа. В 20–30-е гг. в СССР въехали около 100 японцев, которые «мечтали жить в раю для рабочего класса» [15, р. 1]. В основном это были коммунисты, которые пытались скрыться в СССР от преследования японской полиции. Но были среди них и обычные рабочие, а также интеллектуалы и артисты, которые не принадлежали к компартии. Их судьба оказалась печальной, большая часть пропала в лагерях в период сталинских репрессий. Их судьбы проследил японский исследователь профессор Като Тэцуро. По его неполным подсчетам, в СССР в 30-е годы были расстреляны, направлены в лагерь, подвергнуты другим видам репрессий 80 японцев [15, р. 13]. Большинство из них не оставило каких-либо воспоминаний или записок. Исключение составляет Канэмасу Кацуно (1901–1984 гг.). Увлечшись коммунистическими идеями во Франции, он вступил в компартию Франции, а в марте 1928 г. перебрался в Советский Союз, где стал личным секретарем представителя Коминтерна от Японии Сэн Катаяма. Работал под псевдонимом Хаяси. В октябре 1930 г. был неожиданно арестован. Он был осужден по ст. 58-6 Уголовного кодекса на 5 лет лагерей и отбывал срок в лагере под Мариинском в Кемеровской области, позже направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Безвинно осужденный, проведя четыре года в лагере, он разочаровался в сталинском строе и своих представлениях о СССР как идеальном государстве. После возвращения в Японию Кацуно написал несколько книг, основанных на его воспоминаниях. Критикуя сталинский режим, он первым из японцев в своих произведениях показал жизнь ГУЛАГа [20; 21]. Позже эта сторона советской действительности подробно была описана более чем в двух тысячах книг воспоминаний японских военнопленных периода советско-японской войны 1945 г. (подробнее см.: [3; 4]).

За почти 250-летний период накопления в Японии знаний о России собран огромный материал, включающий в себя рукописи, записки мореплавателей и путешественников, дневники и обзоры дипломатов, записи и эссе журналистов, воспоминания и мемуары японцев, оказавшихся в России не по своей воле. В XX в. в Японии началось систематическое научное изучение соседней страны, в которое включились десятки историков, экономистов, археологов, социологов, политологов, ряд научных групп и научно-исследовательских учреждений. Сложилось множество научных направлений, каждое из которых заслуживает подробного исследования. В предлагаемом читателю очерке названы лишь некоторые из них, так же как и упомянуты лишь немногие из тех японцев, кто исследовал или просто вспоминал Сибирь и Россию.

Список литературы

1. Вост. обозрение. – 1892. – 13 дек.
2. *Кацурагава Хосю*. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / Хосю Кацурагава ; пер. с яп., коммент. и прил. В. М. Константинова. – М. : Наука, 1978. – 471 с.

3. *Кузнецов С. И.* Россия глазами японских интернированных (1945–1956 гг.) // Сиб. ссылка : сб. науч. ст. – Иркутск : Отгиск, 2003. – Вып. 2 (14). – С. 287–304.
4. *Кузнецов С. И.* Мемуары бывших японских военнопленных о повседневной жизни в России 40-х гг. XX в. // Повседневность на Востоке и Западе: взгляд из Сибири : материалы Всерос. науч. конф. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.
5. *Кузнецов С. И.* Ясуги Садатоси и его «Обзор изучения русского языка в Японии» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. – Т. 19. – С. 15–22.
6. *Накамура Синтаро.* Японцы и русские. Из истории контактов / Синтаро Накамура. – М. : Прогресс, 1983. – 301 с.
7. Оросиякоку суймудан (Сны о России) / изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. В. М. Константинова ; под ред. Н. И. Конрада. – М. : Наука, 1961. – 132 с.
8. *Отакэ Хирохити.* Росия какумэй си (История революции в России) / Хирохити Отакэ. – Токио : Наука, 1950. – 342 с.
9. *Оцуки Гэнтаку.* Удивительные сведения об окружающих землю морях / Гэнтаку Оцуки, Хироюки Симура ; пер. В. Н. Горегляда. – СПб. : Гиперион, 2000. – 392 с.
10. Разведчик. – 1892. – № 9. – 20 марта.
11. *Сапожников Б. Г.* Японская историография Октябрьской социалистической революции в России // Зарубежная литература об Октябрьской революции / под ред. И. И. Минца. – М. : Изд. АН СССР, 1961. – 306 с.
12. *Хосино Кота.* Правда о русских, рассказанная японцем / Кота Хосино. – СПб., [б. г.]. – 23 с.
13. *Цветов В. Я.* Японцы – современники В. И. Ленина о вожде революции // Октябрь и Япония. (По материалам симпозиума). – М. : Наука, 1968. – 86 с.
14. *Ito Takeo.* Life Along the South Manchurian Railway. – М. E. Sharpe, 1988. – 424 p.
15. *Kato Tetsuro.* The Japanese Victims of Stalinist Terror in the USSR // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 2000. – July. – 320 p.
16. *Masuda Watari.* Japan and China. Mutual Representation in the Modern Era. – L. : Routledge Curzon, 2004. – 360 p.
17. *Myers Ramon H.* Japanese Imperialism in Manchuria: The South Manchuria Railway Company, 1906–1933 // The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1989. – 454 p.
18. *Young John.* The Research Activities of the South Manchurian Railway Company, 1907–1945. A History and Bibliography / John Young. – N. Y. : East Asian Institute, Columbia University, 1966. – 682 p.
19. *Гундзи Сигэтада.* Тисима-но куни Сюмусю тоутанкэнси (Описание острова Шумшу) / Сигэтада Гундзи. – [б. м.], 1894. – 133 с.
20. *Кацуно Канэмаса.* Сэкиро дассюцуки (Побег из красной России) / Канэмаса Кацуно. – Токио : Нихон сёронся, 1934. – 405 с.
21. *Кацуно Канэмаса.* Тодо Титай: Сугарин сюкусэй кадэ-но кёсэй сёёдзё тайкэнки Ледяная зона: Дневник испытавшего сталинскую чистку / Канэмаса Кацуно. – Токио : Адзума Сёбо, 1977. – 266 с.
22. Киндай минсю-но кироку. 8. (Записки современников, т. 8) / под ред. Охама Тэцуя. – Токио : Синдзинбуцу орайся, 1978. – 446 с.
23. Мамия Ринзо тодацу ктко (Путешествие Мамия Ринзо в восточной части Татарского залива). – Дайрэн : [б. и.], 1938. – 160 с.

24. Мансо коккю Аругун гава тоса си. Хокуман кэйдзай Тёсадзё (Обзор данных по маньчжуро-советской границе по реке Аругунь). – Харбин : [б. и.], 1936. – 360 с.
25. *Мацуо Кацудзо*. Сибэриа сюссэй никки (Дневник сибирской экспедиции) / Кацудзо Мацуо. – Нагоя : Фубайся, 1978. – 329 с.
26. Омсуку си то омсуку сэйфу (История Омска и омское правительство). – Тёсака, 1919. – 160 с.
27. Рококу-но кёкуто синряку (Русская агрессия на Дальнем Востоке). – Токио, 1933. – 49 с.
28. Рококу тёса сирё (Проблемы нацменьшинств в Советской России). – Дайрэн, 1924. – 114 с.
29. *Сакаи Фудзиро*. Фукусима Ясумаса тайсё одэн. Сибэриа одэн. (Генерал Фукусима Ясумаса. Через Сибирь) / Фудзиро Сакаи. – Фукуока : Асисёбо, 1992. – 308 с.
30. *Симануки Сигэёси*. Фукусима Ясумаса то танки Сибэриа одэн. (Фукусима Ясумаса. Через Сибирь на лошади) / Сигэёси Симануки. – Токио : Хара сёбо, 1979. – 200 с.
31. Собизто рэмпо дзидзёю Тёсака (Дела Советского Союза. Ежемесячный журнал). – Дайрэн : Росия Дзидзё Тёсакаи, 1920–1944.
32. Собизто рэмпо нэнкан. Кэйдзай тёсакай (Советский Союз. Ежегодник). – Дайрэн : Нитиро Тюхося, 1931. – 568 с.
33. Сэйбу Сибэриа тихо ёраню Сангобу Сирёсицу (Справочник по Западной Сибири). – Дайрэн, 1937. – 326 с.
34. *Такэяма Ясутаро*. Сибэриа дзихэн то кокусай канкэй-но синсо (Правда о сибирских событиях и международные отношения) / Ясутаро Такэяма. – Токио : Нитто Сэпанся, 1934. – 340 с.
35. Фукусима Тюса-но танки энсэй (Конная экспедиция полковника Фукусима). – Кохока, 1940. – 466 с.
36. *Эномото Такэаки*. Сибэриа никки: гэндай гояку (Сибирский дневник: современный перевод) / Такэаки Эномото. – Токио : Хэйбонся, 2010. – 333 с.
37. *Ясуги Садатоси*. Россия дзи. (Русские дороги) / Садатоси Ясуги. – Токио : Тосё синбунся, 1967. – 348 с.

The Russia and the Siberia in The coverage of Japanese Thavelers, Researchers and Diplomats

S. I. Kuznetsov

Irkutsk State University

Kato Hirofumi

Hokkaido University, Sapporo

Abstract. The article deal with some sources of information about Siberia and Russia, which were collected in Japan in the XVIII–XX centuries – from the first manuscripts of Kodayu Daikokuya and Katsuragawa Hoshu to the diaries and memoirs of Japanese prisoners of war.

Keywords: Japan, Siberia, Russia, Kodayu Daikokuya, Katsuragawa Hoshu, Fukushima Yasumasa, South Manshurian Railway, Siberian expedition, repressed Japanese, prisoners of war.

Кузнецов Сергей Ильич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-38-75
e-mail: ski@home.isu.ru

Kuznetsov Sergey Ilyich

Doctor of Sciences (History), Head,
Department of World History
and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 24-38-75
e-mail: ski@home.isu.ru

Като Хирофуми

профессор Центра исследования
айну и малых народов
Университет Хоккайдо
060-0808, Япония, Хоккайдо, Саппоро,
Кита-ку, Кита 8, Ниси-6
тел.: +81-11-706-4050
email: h-kato@let.hokudai.ac.jp

Kato Hirofumi

Professor of Archaeology,
Center for Ainu & Indigenous Studies
Hokkaido University
Nichi 6-chome, Kita-8, Kita-ku, Sapporo,
Hokkaido, Japan, 060-0808
Hokkaido University
tel. +81-11-706-4050
email: h-kato@let.hokudai.ac.jp